

А. А. ТОРРЕАЛЬБА^{1,2}

¹ Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия

² Межгосударственная радиокomпания «Ла Радио дель Сур», г. Москва, Россия

ТРИ ОСНОВНЫХ ПОДХОДА ДИАСПОРАЛЬНОЙ ДИПЛОМАТИИ ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ

Цель: анализ понятия «диаспоральная дипломатия», а также связанных с ним основных концепций.

Методы: диалектический подход к познанию социальных явлений, позволяющий проанализировать их в историческом развитии и функционировании в контексте совокупности объективных и субъективных факторов, который определил выбор следующих методов исследования: системно-структурный, формально-юридический, сравнительный.

Результаты: в статье обосновывается, что диаспора является частью народа или общности, находящейся в различных частях мира вне страны своего происхождения. В некоторых государствах диаспоры могут развить крепкие связи с лидерами стран своего пребывания и тем самым оказывать воздействие на их внешнюю и внутреннюю политику. Этот феномен известен в американских научных кругах как «диаспоральная дипломатия». В последние годы возросла важность анализа объективных и субъективных факторов формирования внешней политики некоторых стран и роли диаспоры в данном процессе. Однако на основании проанализированных источников информации можно сделать вывод о том, что понятие «диаспоральная дипломатия» находится на этапе своего становления, так как под данным понятием подразумеваются различные политические действительности. В изученной научной литературе выделяется несколько подходов к понятию «диаспоральная дипломатия»: а) раздел политической социологии международных отношений; б) основной инструмент определения различных видов внешней политики, в) дипломатическая стратегия.

Научная новизна: в статье проанализировано понятие «диаспоральная дипломатия», а также связанные с ним основные концепции, раскрыты особенности динамики развития внешнеполитических отношений между разными странами и роль, которую играет в них диаспора.

Практическая значимость: основные положения и выводы статьи могут быть использованы в научной и педагогической деятельности при рассмотрении вопросов о сущности диаспоральной дипломатии и связанных с ней концепций.

Ключевые слова: международное право; диаспоральная дипломатия; диаспоральный лоббизм; иммиграционная диаспоральная дипломатия; эмиграционная диаспоральная дипломатия; диаспоральная дипломатия возвращения на родину; диаспоральная дипломатия переселения народа

Как цитировать статью: А. А. Торреальба. Три основных подхода диаспоральной дипломатии во внешней политике // Актуальные проблемы экономики и права. 2017. Т. 11, №2. С. 154–169. DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/1993-047X.11.2017.2.154-169>

А. А. TORREALBA^{1,2}

¹ Saint Petersburg University, Saint Petersburg, Russia

² Interstate radio company La Radio del Sur, Moscow, Russia

THREE MAIN APPROACHES OF DIASPORA DIPLOMACY IN FOREIGN POLICY

Objective: to analyze the notion of “diaspora diplomacy” and the main concepts connected with it.

Methods: dialectic approach to cognition of the social phenomena, allowing to analyze them in their historical development and functioning in the context of the integrity of objective and subjective factors, which determined the choice of the following research methods: systemic-structural, formal-juridical, comparative.

Results: it is proved in the article, that a diaspora is a part of a nation or a community located in different parts of the world outside the country of origin. In some states diasporas may develop strong ties with the leaders of their present countries, thus influencing their internal and external policy. This phenomenon is known in American science as “diaspora diplomacy”. In the recent period it has become increasingly important to analyze the objective and subjective factors of forming the external policy of some countries and the role of diaspora in this process. However, basing on the analyzed sources, we can conclude

that the notion “Diaspora diplomacy” is still being formed, as it is being interpreted as various political realities. The studied scientific literature contains several approaches towards the notion of “Diaspora diplomacy”: a) a branch of political sociology of international relations; b) the basic tool for determining various types of external policy, c) diplomatic strategy.

Scientific novelty: the article analyzes the notion of "Diaspora diplomacy", as well as the related basic concepts; describes the features of development dynamics of foreign relations between different countries and the role of diaspora in them.

Practical significance: the main provisions and conclusions of the article can be used in research and teaching when addressing the issues of the nature of diaspora diplomacy and related concepts.

Keywords: International law; Diaspora diplomacy; Diaspora lobbying; Immigration diaspora diplomacy; Emigration diaspora diplomacy; Diaspora diplomacy of returning to homeland; Diaspora diplomacy in resettlement of peoples.

For citation: Torrealba A. A. Three main approaches of diaspora diplomacy in foreign policy, *Actual Problems of Economics and Law*, 2017, vol. 11, No. 2, pp. 154–169 (in Russ.). DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/1993-047X.11.2017.2.154-169>

Введение

Миграция населения является постоянным и обычным явлением, сопровождающим человечество на протяжении всей его истории. Исторические документы повествуют нам о непрерывных перемещениях населения, начиная со времен глубокой древности и вплоть до наших дней. Незатухающий европейский миграционный кризис – яркое тому подтверждение. Преследования и гонения евреев, колонизация Америки и островов Тихоокеанского бассейна, работорговля, внутренняя миграция сельского населения в города во времена промышленной революции – все это примеры миграционных перемещений. В современном мире миграция населения – проблема мирового значения. Присущий ей беспорядочный характер и колоссальное увеличение притока мигрантов вызывают большие опасения у правительств различных стран ввиду возможного возникновения общественного хаоса и нарушений прав человека [1]. Только в 2015 г. во всем мире насчитывалось около 250 млн мигрантов [2], покинувших свою страну по разным причинам (в поисках работы, образования, новых возможностей в сфере бизнеса, лучших условий жизни, оставляя за своей спиной войны, болезни и политические репрессии), но с одной целью – начать новую жизнь (например, существует по меньшей мере около 20 международных организаций со множеством программ и проектов, которые занимаются решением миграционных вопросов: United Nations High Commissioner for Refugees, International Organization for Migration и Global Forum on Migration and Development). Наряду с этим, существует также и другой связанный

с миграцией феномен – диаспора, который тревожит многие государства.

Диаспоры, возможно, являются наиболее значимым подтверждением успешного исхода миграции населения. Когда мигрантам удается благополучно интегрироваться в общество принимающей страны, тем самым достигается первоначальная цель переселенцев. За адаптацией следует процесс консолидации иммигрантских этнических сообществ – диаспор. Успеха и процветания достигли баскская, армянская, русская, палестинская, израильская, американская, итальянская, китайская, индийская, ливанская, кубинская, греческая, турецкая, арабская и нигерийская диаспоры. Покинув свою родину, иммигранты, заинтересованные в долговременном поселении, должны адаптироваться к ценностям принимающей их инокультурной, иноэтнической территории. Сами же они являются носителями других ценностей и культуры. Как следствие, жизнь диаспоры сопровождается раздвоенностью. Эта особенность заимствуется потомками, которые чтят традиции и культуру страны своего происхождения, до тех пор пока последующие поколения не вольются в состав коренного населения, растворив при этом все имеющиеся различия между ними.

Можно предположить, что диаспора находится в невыгодном положении по отношению к местному населению. Нередко процесс интеграции затрудняет незнание языка, а также своих прав и обязанностей. Однако отмечались случаи, когда та или иная диаспора довольно успешно и динамично развивалась в принимающей стране. Обычно в подобных случаях ключевую роль играло ее экономическое и политическое

влияние, которое позволяло взаимодействовать и вести переговоры по национальным и международным вопросам с политическими лидерами страны своего проживания. Это явление получило название «диаспоральная дипломатия» (англ. *Diaspora Diplomacy*) [3], под которой понимается коллективная деятельность, основанная на поддержке и активности большого числа эмигрантов, оказывающих влияние на культуру, экономику и политику принимающей страны: «*посредством взаимовыгодных отношений, сближающих культуры сторон*»; в некоторых случаях «*способных также воздействовать на существующие международные отношения не только между своей исторической родиной и страной своего пребывания*» [4], но также оказывать влияние на отношения с другими странами. Однако слово «дипломатия» является лишним в данном понятии. Если предположить, что существуют диаспоры, способные принять участие в государственных делах своей страны, то вместе с этим стоит отметить отсутствие легитимности их действий и законных оснований их посредничества с точки зрения дипломатического права. Деятельность диаспор и принятые ими решения не могут обязать государства совершать те или иные действия. В рамках диаспоральной дипломатии диаспора рассматривается как дипломатический агент, что совершенно неверно. Представляется более предпочтительным понятие, предложенное Терренс Лионс, – «диаспоральный лоббизм» (англ. *Diaspora Lobbying*). Также такой подход может оказаться противоречивым ввиду того, что некоторые государства могут воспользоваться силой диаспоры в своих интересах.

Как полагает Рана Кишан, диаспоральная дипломатия – явление малоизученное и не совсем понятное, характеризующееся недостатком информации и интереса со стороны научного сообщества. Ученые рассматривают данное понятие исходя из следующих признаков: 1) разнообразные формы организации сообществ эмигрантов; 2) их роль в других странах; 3) значение и роль сообщества в отношениях между принимающей страной и страной своего происхождения; 4) экономические, социальные и культурные роли последующих поколений данных сообществ и прочность их связей с исторической родиной; 5) потенциальные риски, возникающие вследствие дипломатической деятельности диаспоры [5]. Все это позволяет утверждать, что диаспоральная ди-

пломатия представляет собой не до конца изученное явление, объединяющее в себе все многообразие мнений, затрудняющих определение его четких границ и центральной идеи. Ознакомившись с рядом источников по данному вопросу, это понятие можно рассматривать в трех аспектах: 1) как раздел политической социологии международных отношений; 2) как обозначение совокупности внешних политик; 3) как дипломатическую стратегию. Они различаются между собой и не поддаются сравнению. Такая трехступенчатая схема является наиболее цельной и эффективной. Рассмотрим данные аспекты более углубленно.

1. Диаспоральная дипломатия и политическая социология международных отношений

Почти столетие назад Джон Марк внес большой вклад в развитие социологической науки, разработав концепцию социального феномена. Марк полагал, что этот феномен представляет собой осознанное поведение человека в условиях социального взаимодействия или перед лицом жизненных трудностей, провоцируя сознательную и спонтанную ответную реакцию на стрессовые факторы, оказывающие сильное угнетающее воздействие; другими словами, подобное поведение влечет за собой определенные перемены [6]. Марк уточнил, что такой тип поведения должен распознаваться по меньшей мере потому, что он присущ различным группам людей. По мнению Джона Марка, социальным феноменом нельзя назвать решение человека уйти жить в горы. Однако ситуация рассматривается по-другому, если это решение принадлежит группе людей в определенный период времени. Это говорит о том, что существуют веские основания и мотивы для такого поведения, которые не всегда очевидны и требуют внимательного изучения специалистами. Подобным образом желание индивида эмигрировать за границу не является социальным феноменом; совсем иначе выглядит ситуация, при которой ежегодно за рубеж эмигрируют несколько миллионов человек. Политологи, экономисты, специалисты по международному праву исследуют причины такого поведения. В свою очередь, массовые миграции являются проблемой социологического характера, а их последствия в международном масштабе изучаются политическими социологами международных отношений.

В 2010 г. вышла в свет статья Игнасио Ираузута под названием «Идентичность как осознание тожде-

ственности. Государство и мигранты» [7], в которой автор рассмотрел идеи ученых Фионы Адамсон и Мадлен Димитриу, утверждающих, что, с точки зрения международных отношений, диаспора может дополнять и другой список проблем, таких как процессы регионализации, космополитизм, появление структур мирового правительства – альтернативных тем, заслуживающих эмпирического исследования [8]. В условиях возрастающего интереса к исследованию данного вопроса [9, 10] Франческо Рагацци рассмотрел отношение государства и диаспоры в рамках теории политической социологии международных отношений. Рагацци отстаивает гипотезу о том, что перемены в политике в отношении к мигрантам со стороны государств и постоянно растущее количество диаспор прежде всего следует понимать не только как внешнеполитический курс, а как следствие значительных структурных перемен в «искусстве власти», в особенности в рационализации, структуризации и легализации отношений между властями и народом на транснациональном и международных уровнях [11]. Эффективность и удобство данного подхода заключается в том, что вопрос диаспор рассматривается в контексте экономических и социальных преобразований, порождающем неолиберализм и тем самым позволяющем следить за деятельностью государства за пределами его национальных границ. Кроме того, такой подход, сфокусированный на свойстве управляемости, упрощает понимание процессов «приобретения власти» индивидами или же сообществами, активно продвигающими и реализующими свои собственные интересы, сознательно отодвигая от себя «тот безличный метод управления, свойственный национальным государствам».

С целью подкрепить данную идею уместно привести мнение Камелии Тигау, которая полагает, что иммигранты поддерживают связь со своей исторической родиной и нередко эта связь оказывается политической или экономической. В результате налаживаются взаимовыгодные и плодотворные отношения между нацией эмигрантов и нацией принимающей их страны. Лата Варадаражан и Хачиг Тололян, мнения которых приводит Камелия в своей работе, считают, что именно диаспора, представляющая собой нечто большее, чем эмигрантское население, приобретает все большую силу на международной арене [12, с. 51–78; 13]. Такие процессы, как глоба-

лизация, политическая организация иммигрантов и их потомства с одним или двойным гражданством, увеличение экономических ресурсов, технический прогресс, развитие капиталистических отношений между странами, претерпевший некоторые изменения неолиберальный подход государств (вызвавший пересмотр политической роли диаспор), в какой-то момент наделили диаспору некоторой степенью влияния [14]. На определенном историческом этапе диаспоры никем не признавались, носили незаконный характер и были своего рода «денационализированы» страной происхождения, другими словами, выведены за рамки национального состава населения. Однако в современном мире некоторые страны со значительным числом диаспор, например Мексика, признают вклад эмигрировавших граждан в развитие отношений с другими государствами, такими как США.

Другое, не менее значимое исследование принадлежит Марии Эухении Крусет, которая оценила способность диаспоры выступать в качестве посредника в конфликте между представителями своей национальности и органами центральной власти. Крусет подкрепляет свою позицию результатами проведенного исследования ирландской и баскской диаспор в Аргентине в XIX–XX вв., выделяющихся числом своих представителей, уровнем владения языком, ролью в сообществе и, наконец, политической организацией. Все эти аспекты сыграли решающую роль в развитии отношений между Ирландией, Испанией и Аргентиной [15]. Бытует мнение, что диаспоры в большей степени могут оказывать влияние на экономические отношения. В научном исследовании Технологического института Соноры утверждается, что китайская диаспора в США обладает большим влиянием на экономические отношения двух стран, нежели на политические. Напротив, мексиканская диаспора имеет больший вес в политических вопросах между Мексикой и США, у которых, пожалуй, одна из самых активных общих границ [16]. По статистике 2013 г., в США проживали около 11 млн мексиканцев [17]. Нелегальная иммиграция, наркотрафик, депортация, коррупционный таможенный контроль – частые вопросы, стоящие на повестке дня нецентральных правительств обеих стран.

С другой стороны, Кристелль М. Ховенир придает большее значение экономической и политической силе диаспоры, которая и привлекает внимание го-

сударств. Диаспора всегда находится в тесной связи с международной политикой стран, в сущности, она ей принадлежит, особенно это касается отношений с ее исторической родиной. Диаспора может воздействовать на внешнюю политику, руководствуясь четырьмя главными интересами: 1) может оказывать давление на правительство страны пребывания в вопросе формирования политики по отношению к своей родной стране; 2) может влиять на страну происхождения, оказывая ей свою поддержку или же демонстрируя отторжение; 3) может финансировать и поощрять деятельность той или иной партии, социального движения или общественной организации в стране пребывания (Кишан Рана полагает, что, в случае если некоторые члены диаспоры состоят в какой-либо политической партии страны переселения, может произойти надлом в единстве диаспоры. Это может навредить отношениям диаспоры и посольства, поскольку партийные интересы могут идти вразрез имеющимся договоренностям); 4) может спонсировать терроризм и содействовать продолжению конфликтной обстановки на своей родине, как это произошло в случае отношений американцев с кубинцами, армянами и ирландцами, евреев с греками; кроме того, представители диаспор могут участвовать в массовых протестах и других мероприятиях, затрагивающих вопросы ее родной страны [18]. Ховенир также утверждает, что миграция благотворно влияет на экономическое развитие стран происхождения переселенцев. По данным исследования Всемирного банка, в 2008 г. эмигранты перевели на свою родину около 338 млрд долл. США. Подобное движение денежных ресурсов имеет следующие преимущества: сокращение уровня бедности, доступ к зарубежным инвестициям, развитие коммерции, взаимообмен знаниями и технологическими достижениями, культурное сотрудничество [19]. Тем не менее экономические преимущества – это лишь малая часть происходящего. Эмиграция влечет за собой «социальные дивиденды» (англ. social remittances) – поток культурных ценностей, идей, моделей поведения, направленный в принимающие страны. Все эти аргументы заставляют рассматривать диаспору как элемент политического анализа.

Кишан Рана приводит в пример опыт Израиля. Израильтяне сформировали самый оптимальный архетип для возникновения диаспоральной дипломатии. До обретения независимости Израилем в 1948

г. экспансия еврейского населения и закрепленное за ним право возвращения на свою историческую родину заставили еврейские общины оказывать давление во имя собственных интересов на политические силы принимающих стран. В ряде государств евреям удалось добиться немалой политической власти, которую они продолжают сохранять в своих руках и по сей день. Например, в США евреи обладают достаточно сильным влиянием. Они занимают высокие посты в экономике, политике и бизнесе (по данным на 2012 г., израильская диаспора в США насчитывала 5 800 000 человек, что составляет 1,5 % американского населения) [20]. Они принимают участие в решении внешнеполитических вопросов США, а также от их решений зависят отношения арабов и израильтян. Как это стало возможным? Кишан не дает точного ответа, но предполагает, что израильтяне в составе диаспоры выявили и воспользовались теми возможностями, которыми располагает США. США – «страна иммигрантов», в отличие от стран Западной Европы, где преобладает в большинстве случаев одна этническая общность с историческими корнями, уходящими в глубь веков, что, безусловно, затрудняет участие эмигрантов в политике. Правительство США обладает гибкостью в отношениях с диаспорами, которые рассматриваются им как важный политический компонент и социальная база. Такой подход создал благоприятные условия для развития взаимовыгодных отношений между американским правительством и диаспорами, укрепляя позицию последних, например, как это произошло в случае с израильской диаспорой, число представителей которой возросло до «критической» отметки (по мнению Кишана Рана, численность диаспоры и успех ее экономической деятельности являются гарантом ее влияния и авторитета), а деятельность способствует устойчивому развитию США. Не осталось в стороне и израильское государство, в котором было образовано Министерство по делам Иерусалима и диаспоры, отвечающее за связи государства с еврейской диаспорой, а также способствующее ее экономическому развитию. Министерство владеет важной информацией о потенциально выгодных сделках и современных технологиях. Все это говорит о том, что политика израильского государства, а также история и деятельность диаспоры на территории США обеспечили последней прямой и открытой

доступ к вопросам двусторонних отношений между двумя странами.

И наконец, стоит обратиться к примеру Индии, чья диаспора, вторая по численности, насчитывает более 27 млн человек после китайской диаспоры, насчитывающей 40 млн человек в более чем 130 странах [21]. По словам Хауме Жине Дави, индийская диаспора очень влиятельна в США, Великобритании и других странах Запада. Ее представители проживают также в Африке, Юго-Восточной Азии, Южной Африке и на Ближнем Востоке. Индийское сообщество на территории США достигло отметки в 3,3 млн человек и признается «авторитетной и квалифицированной силой». Диаспора представляет 1 % населения страны. Индийские студенты получают самые востребованные специальности в стране. Ежегодно 30 000 индусов по своей собственной инициативе отправляются на обучение в США. Выделяется также крупная и влиятельная индийская диаспора в Южной Африке, сформировавшаяся в XIX в. и насчитывающая 1,4 млн человек. Большинство индийцев в этом государстве – потомки мигрантов из Индии, прибывших в качестве рабочей силы на объекты железнодорожного строительства, а также в другие отрасли промышленности на территории британских колоний. В настоящий момент индийская диаспора является мотором экономического развития Южной Африки, государства, в котором Махатма Ганди провел 20 лет своей жизни, перед тем как стал основателем современной индийской государственности. Кроме того, Индия является крупнейшим получателем валютных переводов эмигрантов. В 1990 г. было перечислено 2,1 млрд долл. США, в 2015 г. денежные переводы достигли 75 млрд долл. Эта цифра в три раза превышает сумму прямых иностранных инвестиций в 2013–2014 гг. [22]. В других странах индийской диаспоре удалось добиться политического влияния. Так, например, на Фиджи в 2000 г. это привело к государственному перевороту и свержению власти военными националистами.

Есть и другие примеры, когда диаспора превышает по численности местное население, как, например, в Армении, Ирландии, Таиланде, Сингапуре и на Мальте. Кишан Рана считает, что такой дисбаланс ведет к парадипломатическим тенденциям в этих странах; хотя, судя по активности некоторых членов

диаспоры в социальных сетях, можно даже говорить о «препарадипломатическом» поведении [23].

Описанные выше факты и идеи побуждают рассматривать явление диаспоры как отдельную категорию в рамках политической социологии международных отношений, учитывающей растущее распространение этого явления в мировом масштабе, а также возникающие социологические, политические и международные противоречия. Хосе Рикардо Мартинс полагает, что международная социология оценивает социальные последствия формирования диаспор [24, с. 14]. Барри Сمارт в свою очередь считает, что социология исследует различные трансформации международных отношений, приводящие к распространению схожих форм, продуктов, идей, равно как рассматривает их закрепление и адаптацию в разнообразных социальных контекстах [25]. Однако представляется неясным, какой науке принадлежит право изучать поведение диаспор. На данный момент чаша весов склоняется в сторону социологии и политической социологии международных отношений. Тем не менее такое заключение не является окончательным ввиду того, что диаспоральная дипломатия полностью не изучена.

2. Диаспоральная дипломатия и внешняя политика

Исследования показали, что появление диаспор на международной арене представляет большой интерес для ряда государств. Кишан Рана полагает, что это объясняется стремлением государств тщательно продумывать внешнеполитические стратегии, изучая экономические, политические, технологические и культурные преимущества иммиграции. В свою очередь, есть авторы, которые считают, что в рамках внешней и внутренней политики государства могут контролировать массовый приток мигрантов, равно как их перемещение и возвращение на родину. Ход исследования замедляет тенденция некоторых ученых, политиков и журналистов использовать понятие «диаспоральная дипломатия» в качестве достаточно общего определения отношений между диаспорой и внешней политикой разных стран. В результате концепция диаспоральной дипломатии стала «перегруженной» идеями, требующими разграничения по меньшей мере по четырем вышеперечисленным аспектам.

По этой причине в дальнейшем будут предложены четыре неологизма для дифференциации внешних

политик государств в отношении диаспоры. Предлагаемые понятия основываются на четырех первостепенных проблемах: эмиграция, иммиграция, переселение народа и возвращение на родину [26].

В XX в. Мексика начала применять особую консульскую политику при рассмотрении запросов от мексиканской диаспоры США [27–29], которая отличается долгой историей и географической концентрацией. Наряду с Эквадором (второй страной Латинской Америки, чья консульская политика направлена на поддержку своих граждан за рубежом), Мексика не только защищает интересы своих граждан на территории США, рассматривая их повседневные вопросы, но также разрабатывает программы по здравоохранению, образованию, культуре, оказывает консультационную поддержку в вопросах ведения бизнеса для повышения их благосостояния. Со временем эти инициативы стали неотъемлемой частью внешней политики Мексики, которая имела невероятные результаты. Только в 2013 г. объем денежных переводов мигрантов на свою родину достиг отметки в 21 млрд долл. США [30]. Подобные отношения основаны на принципе взаимной выгоды и общих интересов: например, взамен принимающая страна получает дешевую рабочую силу. Опыт мексиканского государства демонстрирует, насколько экономически эффективной может оказаться политика поддержки своих граждан за рубежом. Мексика построила свою собственную «эмиграционную диаспоральную дипломатию» (англ. *Emigrate Diaspora Diplomacy*), другими словами, внешнюю политику, вдохновляющую своих сограждан «завоевывать мир». Кения и Нигерия оказались менее педантичными. Кения организовала министерство, оказывающее консультационные услуги своим согражданам, проживающим в развитых странах, с целью привлечения инвестиций и в особенности заимствования новых технологий. Нигерия разработала программы для поддержания контактов со своей влиятельной диаспорой. Политика обоих государств не призвана стимулировать миграцию, но государственная поддержка эмигрантов всегда охотно принимается представителями диаспоры. По аналогичной схеме Индия начала уделять еще большее внимание благосостоянию своих сограждан по мере того, как увеличивался приток денежных средств. Министерство по связям с диаспорой контролирует эмиграционные потоки и оказывает всяческую поддержку диаспоре с целью

поддержания стабильных партнерских отношений со странами, представляющими интерес для государства.

Также можно говорить об «иммиграционной диаспоральной дипломатии» (англ. *Immigrate Diaspora Diplomacy*), имея в виду внешнеполитические меры, предпринимаемые тем или иным государством в ответ на угрожающее число эмигрантов; помощь, оказываемую диаспорой своим соотечественникам за рубежом; политику некоторых государств, способствующую миграции своих сограждан и их адаптации к новым условиям жизни. В этой связи интересен пример развивающейся венесуэльской диаспоры в США. Благодаря поддержке уже осевших в этой стране венесуэльцев, которые создали специализированные компании по предоставлению услуг по решению миграционных вопросов, численность этой нации на территории американского государства стремительно возросла. Данное сообщество хорошо изучило статус политического беженца, который предусматривает социальные выплаты, трудоустройство и бесплатное проживание в США как минимум в течение трех месяцев. Это новый вид бизнеса, использующий юридические лазейки по предоставлению статуса политического беженца иммигранту. В начале XXI в. венесуэльцы, проживающие в США, создали «специальные организации» в социальных сетях, чтобы присваивать любому венесуэльцу статус жертвы политических преследований или, другими словами, политического беженца. Подобные организации могут проплачивать (достаточно легко) публикацию ложной информации в периодических изданиях Каракаса, чтобы доказать властям США, что их клиенты являются жертвами политических репрессий на своей родине. Эта схема успешно действует в Майами и Нью-Йорке. На мировом уровне политические беженцы могут получать до 7 000 долл. США в качестве ежемесячного пособия. В США политический беженец из Венесуэлы с присвоенной «категорией» (например, член политической партии, крупный предприниматель, актер, журналист, певец) может ежемесячно получать 5 000 долл. США. Остальным венесуэльцам полагается от 800 до 1 000 долл. в месяц. Необязательно быть трудоустроенным, необходимо только не афишировать свой статус, даже в некоторых случаях скрывая его от своих родных [31].

По данным Центра миграционных исследований (англ. *Center for Immigration Studies*), в среднем еже-

годно около 11 млн человек родом из разных стран мира нелегально пересекают границу США – цифра, равная сумме иностранных граждан, легально прибывших в США в 2000–2012 гг. [32–34]. В таких условиях Соединенные Штаты были вынуждены ввести жесткую визовую политику для борьбы с нелегальной иммиграцией. Однако такая политика благоприятствует некоторым нациям в большей степени, чем другим. Так, в 2015 г. США ввели безвизовый режим с 37 странами, единственной латиноамериканской страной в числе которых была Чили. Предпочтение отдавалось тем нациям, с которыми у США были стабильные партнерские отношения и взаимные интересы. В данной ситуации США должны защищать рынок труда своих граждан, что исключает возможность применения эмиграционной диаспоральной дипломатии.

Европейский миграционный кризис 2015 г. заставил Турцию и Ливию всерьез задуматься о политике, основанной на диаспоральной дипломатии переселения народа (англ. *Transmigrate Diaspora Diplomacy*), как и в случае известного соглашения по ограничению притока беженцев в Европу по принципу «одного сирийца пускаем, другого – нет» [35]. Неконтролируемый поток беженцев из Африки, с Ближнего Востока, Западных Балкан, из Южной Азии в страны ЕС затронул территориальный суверенитет Турции и Ливии. Только за один год от войны в Сирии и «Исламском государстве» сотни тысяч человек бежали в Европу через Турцию и Ливию (в том числе и Средиземное море). Миграционный кризис усугубил отношения между этими двумя странами и ЕС, оказавшимся неспособным сдерживать огромный и внезапный поток беженцев.

И наконец, рассмотрим внешнюю политику, в основе которой лежит диаспоральная дипломатия возвращения на родину (англ. *Returned Diaspora Diplomacy*). Например, в 2015 г. в процессе переговоров по улучшению отношений между Кубой и США Куба рассмотрела потенциальную возможность возвращения на остров тысяч своих сограждан, целью визита которых может быть как туризм, так и окончательное возвращение на родину [36]. Новый миграционный закон и гибкая внешняя политика США перекинули своего рода мост между двумя странами, предоставив возможность 2 млн американцам кубинского происхождения совершать поездки на остров.

Позднее Куба разработала программу открытых границ. Похожий случай произошел в Германии в 90-е гг. XX в. Германия – одно из немногих государств, где гражданство приобретается по принципу крови. Это означает, что потомки немецких граждан за рубежом наследуют право вернуться на свою «родину». После распада СССР ряд немецких общин, проживающих в странах Восточной Европы и России, начали мигрировать в Германию. Столкнувшись с волной эмигрантов, немецкое правительство ввело «квоты» в зависимости от проводимой немецкими общинами политической деятельности, направленной на ослабление СССР. Соответственно, общины, проявившие истинную политическую активность, были приняты страной на лучших условиях, нежели те, кто остались в стороне от политики.

3. Диаспоральная дипломатия и дипломатическая стратегия

В материалах, посвященных данной теме, многие авторы рассматривают диаспоральную дипломатию как дипломатическую стратегию. Тем не менее ее можно отнести к дипломатическим инструментам по трем аспектам. Во-первых, ряд ученых определяют диаспоральную дипломатию как раздел, дополняющий теорию публичной дипломатии (англ. *Public Diplomacy*), а также способную обогатить своими элементами официальную дипломатическую деятельность государств. Во-вторых, было отмечено, что диаспоральная дипломатия расширяет теоретическую базу консульской дипломатии (англ. *Consular Diplomacy*). В-третьих, есть мнение, что диаспоральная дипломатия – отдельная, отличная от других дипломатическая стратегия, которая характеризуется способностью одних государств управлять диаспорой с целью воздействия на планы других государств. Безусловно, этот прием, напоминающий шантаж, является последним возможным средством достижения намеченных целей, когда все возможные формы переговоров были испробованы. Рассмотрим более детально данный вопрос.

А. Диаспоральная дипломатия и публичная дипломатия. В сфере международной политики публичная дипломатия стала незаменимым инструментом «искусства управления». Важная роль, отведенная мнению мирового сообщества в политических вопросах, уготовила сложные неоднозначные сценарии,

приоритеты и вызовы государствам, которым, в свою очередь, необходимо сохранить эффективность внешнеполитического курса. В этом сценарии публичная дипломатия означает теоретический источник методов, тактик и стратегий, имеющихся в распоряжении правительств, которые обладают достаточной широтой власти, чтобы донести свое сообщение до нужной им аудитории и добиться такого положения дел, при котором внешняя политика будет иметь силу. Публичная дипломатия повышает уровень эффективности политики за счет способности государства пересматривать план своих действий в условиях постоянно меняющегося социального контекста. По этой причине публичная дипломатия может выражаться по-разному. Выдающийся посол Доминиканской Республики Мануэль Моралес Лама отмечает, что публичная дипломатия состоит из комплекса мер коммуникационной политики, нацеленных на: 1) стратегическое воздействие на иностранную аудиторию, «не только на политическую элиту и лидеров стран, но и на общество в целом»; 2) достижение отклика в обществе для большей эффективности внешней политики; 3) продвижение культуры, распространение определенного образа мыслей, а вместе с ним и продвижение своих интересов; 4) поддержку имиджа правительства как достойного, располагающего и заслуживающего доверия; 5) продвижение образа государства как «прогрессивного, креативного, инновационного, этичного и стабильного»; 6) порождение «сопереживания и солидарности» к государству для установления новых экономических связей [37]. Средства массовой информации, международный научный обмен, транснациональные предприятия, фильмы, музыка, Интернет, социальные сети – все это является частью данной стратегии. Однако сила диаспоры, как правило, недооценивается и упускается из виду [38]. Те правительства, которым далеко не чужда публичная дипломатия, знают, что диаспора (помимо возможных экономических, культурных и технологических преимуществ) может оказывать политическое давление как на страну проживания и страну происхождения, так и на любую другую. Это порождает сложный комплекс политических отношений, где иммигранты и их потомки оказываются в центре дипломатических интриг.

По мнению Камелии Тигау, иммигранты выполняют функцию культурных послов стран происхож-

дения, почитая свои обычаи и традиции и являясь представителями своей родины за рубежом [14]. В этом смысле в них видят альтернативный канал передачи важной для внешней политики информации. Воспользоваться такой возможностью под силу некоторым государствам. Организация, расположение, структура управления, политические и экономические связи и многие другие аспекты диаспоры могут подвергаться изменениям, а также использоваться для реализации важных целей принимающего государства. Однако это возможно при условии наличия у страны налаженных связей с диаспорой, что в результате успешных переговоров может стать частью стратегии публичной дипломатии [39]. Применяя профессиональный подход и предпринимая продуманные действия, государство тем самым получает новый инструмент для повышения уровня доверия к себе не только со стороны своих граждан, но и представителей мировой общественности.

К примеру, Хоакин Джей Гонсалес III оценивает данную стратегию как наиболее подходящую для улучшения имиджа Филиппин. За последние десятилетия средства массовой информации Западной Европы и Северной Америки, такие как BBC, CNN, FOX, отдавали предпочтение освещению неблагоприятных событий на территории этой страны: мощные извержения вулканов, масштабные наводнения от тайфунов, теракты, действия группировки «Аль-Каида», похищения, коррупция, политические скандалы и криминал. В результате такого нездорового ажиотажа вокруг негатива и преувеличенной информации о реальных явлениях Филиппины стали восприниматься как «опасная» страна. Несколько лет спустя Государственный департамент США предостерег «американских граждан от туристических поездок и ведения бизнеса на Филиппинах». Несмотря на эту «антирекламу», Гонсалес III считает, что диаспора, насчитывающая по всему миру 10 млн филиппинцев, способна изменить образ своей страны, как только государство посчитает нужным прибегнуть в своей политике к публичной дипломатии, которая должна быть мудрой и дерзкой, но не гегемонистской и высокомерной. По мнению Гонсалеса, таким способом филиппинская диаспора может предложить альтернативную информацию для мировой общественности, которую, правда, не удостоит своим вниманием организации, подобные CNN. В то время как специалисты говорят о «жесткой силе»

(англ. *Hard Power*) – политической власти, связанной с применением военной силы, – эмигрировавшие филиппинцы используют более экономичное «оружие» – пропаганду информации [40].

Китай и Индия обязаны своим диаспорам за первые шаги в распространении их культуры за рубежом. Именно благодаря деятельности диаспор возрос интерес к кинематографической индустрии обеих стран, а следом и к самой культуре. Изначально фильмы были предназначены для сравнительно ограниченной аудитории и вызывали интерес только у эмигрантов. По прошествии некоторого времени аудитория стремительно расширилась, спрос на китайские и индийские фильмы заметно вырос, и теперь развитие киноиндустрии является одним из важных пунктов политической программы обеих стран, посольства которых финансируют и продвигают различные кинофестивали. Необходимо понимать, что для достижения такого результата каждый член китайской и индийской диаспор должен был представлять собой «живую связь» со своей нацией; их национальные предпочтения дали толчок к развитию киноиндустрии. Однако такие случаи носят индивидуальный характер, и такое не могло бы произойти в Израиле и США, которые также заинтересованы в поддержке диаспоры для достижения аналогичных целей.

В первую очередь Израиль, как уже говорилось, образует группу давления в США, обладая большим влиянием в политической и экономической жизни страны. Это стало возможным благодаря правильной организации диаспоры. С точки зрения израильского правительства, важность каждого члена диаспоры недостаточна для проведения преобразований. Израильское руководство осознает мощь своей диаспоры, объединенной в ассоциации, сообщества и клубы по интересам с активной программой мероприятий и проектов; такая диаспора способна не только распространить культуру своей страны, но и продвинуть внешнеполитические интересы. Организация и активное участие диаспоры необходимы для: 1) создания альтернативной коммуникационной платформы, способной оказывать воздействие на общественное мнение и политические решения, например, в США, с целью затронуть те темы и предпринять те действия, которые отвечают интересам Израиля, – в этом и заключается преимущество данной стратегии, не предполагающей принуждение или применение

силы на пути к достижению поставленных целей; эта форма стратегии получила название «мягкой силы» (англ. *Soft Power*) [41]; 2) повышения ее представительского статуса, что повысит ее уровень в глазах чиновников в сфере внешней политики [42, с. 21–22]. Тем не менее Израиль осторожен с реализацией данного плана. Власти страны предпочитают развигивать свои диаспоры соразмерно вражеским угрозам. Например, израильская диаспора в США привлекает больше внимания со стороны израильского руководства, нежели диаспора в Южной Америке. Причины очевидны. Военная мощь США служит гарантией безопасности для Израиля в случае войны с Ближним Востоком. На этом основании Тель-Авив стратегически распределяет свои ресурсы в центры с большей военной поддержкой, ставя другие свои диаспоры в невыгодное положение. Так произошло после теракта, совершенного в здании АМИА, израильско-аргентинской ассоциации, в 2014 г., когда израильская диаспора не смогла объединиться для оказания давления на аргентинские власти, желая найти и привлечь к ответственности виновных, что сыграло на руку другим диаспорам, которые тормозили судебное расследование. Ввиду этих событий израильские власти пересмотрели условия обеспечения безопасности своих эмигрантов по всему миру, определили потенциальные угрозы и расставили новые приоритеты [43, 44]. Во-вторых, сама американская диаспора не отличается большим авторитетом и едва ли достигает отметки в 9 млн человек (что на 4 млн меньше израильской диаспоры). Тем не менее данный факт не мешает США строить планы в данной сфере.

Дебора Ли Трент указывает на то, что отношения с диаспорой долгое время относились к внутренней политике США, сравнительно недавно их стали рассматривать как международную стратегию. Несколько лет назад Государственный департамент США считал политику диаспоры частью публичной дипломатии и частью стратегии национальной безопасности [45]. Страна избрала политику по сближению с некоторыми проживающими на их территории диаспорами с целью воздействия на политические вопросы стран их происхождения. В 2012 г. Хилари Клинтон признала, что, проявляя равнодушие, не понимая и не уделяя должного внимания реакции иностранной диаспоры на проводимую политику в США и стране ее происхождения, американское государство теряет доверие, а вместе

с ним и свое влияние. По ее мнению, взаимодействие иностранной диаспоры и правительства США может дать толчок к экономическому росту страны [46]. Таким образом, страна занялась образованием своей собственной диаспоры в наиболее важных с точки зрения внешней политики странах, например в Ливане. По словам Трент, в Ливане, как и в Северной Америке, Вашингтон обращается к членам американо-ливанского сообщества (и их потомков), желая повлиять на их мнение и позицию в вопросе арабо-израильского конфликта, приобщить граждан к процессу мирного разрешения конфликтов и миротворческой деятельности [47]. Однако, учитывая сложность создания диаспоры, США финансируют ряд организаций, контролирующей деятельность диаспоры как на Ближнем Востоке, так и во всем мире. Международный альянс интеграции диаспор (англ. *International Diaspora Engagement Alliance*), Всемирный форум диаспор (англ. *Global Diaspora Forum*) – два важных для Госдепартамента США проекта, с которыми он сотрудничает с целью формирования различных диаспоральных сообществ и развития партнерства между ними, в особенности если в числе их представителей имеются квалифицированные специалисты, поскольку студенческие объединения не отличаются высокой эффективностью. К ключевым идеям проектов также относится информирование диаспор, гражданского общества и частного бизнеса об интересующих США вопросах экономики и политики, способах совместного рассмотрения животрепещущих и злободневных тем. Так создается чувство солидарной ответственности между членами диаспоры, стоящей на страже интересов Вашингтона и его гегемонистского влияния.

И наконец, еще один пример публичной дипломатии и влияния диаспоры – польская эмиграция в Великобританию. Мартина Томичек утверждает, что после вступления Польши в ЕС началось великое переселение поляков в Европу. По истечении нескольких лет многим эмигрантам удалось закрепиться в странах переселения и сформировать объединения для стимулирования эмиграции поляков и распространения своей культуры и традиций, что совпало с интересами польского правительства. Например, в Лондоне образована польская организация, привлекающая только квалифицированных специалистов: 1) к сотрудничеству с существующими объединениями, предоставляющими помощь польской диаспоре,

для больших финансовых вливаний со стороны польских и европейских инвесторов; 2) поиску польских волонтеров, работающих на безвозмездной основе, предоставляющих юридические, медицинские, деловые услуги всем нуждающимся в них; 3) освещению случаев проявления несправедливости и жестокости по отношению к польским гражданам; 4) продвижению патриотического духа, гражданского долга и чувства солидарности посредством проведения благотворительных акций; 5) распространению польской культуры и исторического наследия в Лондоне [48]. Томичек считает, что все эти действия представляют собой успешную реализацию стратегии публичной дипломатии в Европейском союзе, страны – члены которого также имеют диаспоры, но не все понимают суть и пользу этого явления для внешней политики.

Б. Диаспоральная дипломатия и консульская дипломатия. По результатам исследований научного фонда Дипло, за последние годы консульская дипломатия получила широкое развитие; растет число государств, уделяющих внимание интересам и потребностям своих граждан. В связи с признанием ключевой роли граждан в международных делах консульская деятельность приобрела большее значение во многих министерствах иностранных дел. Ранее консульства выполняли рутинную работу, обрабатывая заявления своих граждан (на выдачу виз или юридических документов, финансовую помощь, помощь в чрезвычайных ситуациях, репатриацию и т. д.), сейчас спектр их задач пополнился новыми, например, в их обязанности входит обслуживание иностранных граждан, число которых увеличивается по мере роста уровня легальной и нелегальной миграции, туризма, студенческого обмена [49, 50], появления новых возможностей трудоустройства в условиях соперничества стран за дешевую рабочую силу. Однако были достигнуты и другие результаты. С одной стороны, возросла роль консульств, а вместе с тем и их доля участия в государственных делах не только вследствие миграционных процессов, но и в связи с тем, что эмиграция тесно переплетается с иммиграционной политикой и качеством консульских услуг в принимающей стране. Гибкость политики и эффективная работа консульской службы запускают механизм миграции и формирования диаспор. С другой стороны, открытие консульств – часть стратегии некоторых государств, таких как Мексика,

у которой имеется 67 консульств по всему миру, 50 из которых расположены на территории США. Мексиканские консульства способствуют созданию гибкой двусторонней миграционной политики с США, снижающей риск миграционного кризиса.

Дебора Ли Трент, напротив, считает, что отношения консульств и диаспоры сводятся к рутинному общению. Вследствие того, что консулы оказываются более приближенными к простым гражданам, нежели послы (в чьем ведении находятся вопросы высокой политики), к их традиционным обязанностям прибавляется передача политических сообщений членам диаспоры в рамках публичной дипломатии. В Ливане, имеющем Министерство иностранных дел и по делам эмигрантов, государство поручает ливанским дипломатам в США налаживать связи со своей диаспорой. Подобным образом дипломаты США в Бейруте также поддерживают тесное общение с американо-ливанской диаспорой. Такой тип общения, зачастую неформального и даже личного характера, дает плодотворные результаты для интересов стран и создает новый образ диаспоральных дипломатов (англ. *Diaspora Diplomats*) – дипломатов, одна из обязанностей которых заключается в налаживании связей с диаспорой [51, с. 58–62]. Кишан Рана видит риск в таких отношениях, которые могут со временем стать неформальными и дружескими; тогда интересы диаспоры займут приоритетное положение в спектре задач дипломатов, представительская функция которых отойдет на второй план: «*Это явно даст обратный эффект. Представители посольств и дипломаты должны воздерживаться от таких соблазнов в своей работе, в особенности в презентационной деятельности*». По этой причине Рана считает, что успех консульской дипломатии зависит от прозрачности, без которой деятельность иностранных дипломатов будет выглядеть как вмешательство во внутренние дела страны.

В. Диаспоральная дипломатия как дипломатическая стратегия. Одной из характерных черт Израиля является его способность частичной мобилизации диаспоры. Не все страны могут похвастаться этим. Узы государства со своим народом внутри и за пределами страны прочны и проникнуты политическим смыслом, в основе которого лежит чувство народного единства, религия и страх исчезновения [52]. Израильская диаспора доверяет своему правительству,

которое в свою очередь использует ее как инструмент давления на политику других государств. К примеру, Кишан Рана утверждает, что благодаря высокому уровню политической поддержки Израиль применяет такие методы, которыми другие государства попросту не располагают. В арабо-израильском конфликте Тель-Авив неоднократно активизировал свою диаспору для оказания давления на Вашингтон. Вашингтон же не имеет диаспору со столь высоким авторитетом в Израиле. Это вынуждает американское правительство искать альтернативные пути решения проблемы – вести переговоры. Не стоит думать, что израильская диаспора служит лишь инструментом воздействия и убеждения; она может использоваться для оценки политической силы дипломатии других государств. Тем не менее данная стратегия очень необычна. Теоретически израильский дипломат может указать своему американскому коллеге на возможность мобилизации всей диаспоры на территории США с целью оказания давления на то или иное политическое решение (например, организация протестов на улицах или в СМИ, приостановка финансирования), но такое едва ли возможно. Этой стадии отношений должна предшествовать серия переговоров и стратегий, которых, как правило, достаточно для решения противоречий между Вашингтоном и Тель-Авивом. Сложно представить, насколько должны испортиться отношения между двумя государствами, чтобы наступил тот этап отношений, в котором Израиль будет занимать ведущую позицию. В других политических контекстах такой тип диаспоральной дипломатии будет расцениваться по-другому. К примеру, китайская диаспора пользуется большим авторитетом в Юго-Восточной Азии благодаря крупному бизнесу, принадлежащему потомкам эмигрантов с юга Китая. В ряде стран бизнес и промышленность находятся под контролем китайцев: в Сингапуре 70 % населения китайского происхождения, в Таиланде распознать жителя не-китайского происхождения – задача не из простых. В случае если Китай пожелает навязать Сингапuru и Таиланду спорную внешнюю политику, применив диаспоральную дипломатию, вероятно, государства будут чувствовать себя загнанными в угол. Однако Поднебесная не строит планы по организации своей диаспоры, да и нет необходимости в столь крайних мерах в государствах, «*полностью осознающих тот факт, что китайская диаспора на их территории не*

поддается управлению», учитывая широкий спектр возможных дипломатических путей решения противоречий. Другим примером может служить русская диаспора, ставшая новым направлением внешней политики Российской Федерации, которая рассматривает многомиллионную русскую диаспору (русский мир) стран Латинской Америки и стран СНГ в качестве партнера в деле расширения и укрепления пространства русского языка и культуры. Все это происходит на фоне заметной активизации политического, торгово-экономического и гуманитарно-культурного сотрудничества нашей страны с государствами Латинской Америки и Карибского бассейна и Европой [53, 54].

Выводы

Понятие «диаспоральная дипломатия» рассматривается с различных точек зрения. Источники информации, которые были проанализированы в данной работе, утверждают, что существует взаимосвязь между понятием «диаспоральная дипломатия» и тремя основными подходами к ее рассмотрению. На основании данного анализа были сделаны следующие выводы.

Во-первых, диаспоральная дипломатия является объектом изучения международной политической социологии. Причины массовой миграции людей по всему миру и их культурные связи со странами происхождения являются проблемой и в то же время социальным явлением, которое привлекает внимание социологии в целом.

Во-вторых, диаспоральная дипломатия является полезным инструментом при определении внешней политики некоторых стран, которые сталкиваются с проблемами миграции. Например, эмиграционная диаспоральная дипломатия является инструментом внешней политики некоторых стран, вдохновляющим своих граждан «завоевывать мир», эмигрируя в другие страны, как это произошло, в частности, в Кении и Индии. В то же время под иммиграционной диаспоральной дипломатией (англ. Inmigrate Diaspora Diplomacy) понимаются внешнеполитические меры, предпринимаемые тем или иным государством в ответ на угрожающее число эмигрантов; поддержка, оказываемая диаспорой своим соотечественникам за рубежом; политика некоторых государств, оказывающая помощь в их адаптации к новым условиям жизни.

Вместе с тем под диаспоральной дипломатией переселения народов понимается внешняя политика

некоторых стран, территории которых не являются конечным пунктом крупных миграционных потоков, а представляют собой так называемую территорию транзита (как, например, это было в Турции и Ливии в 2015 г.). А диаспоральная дипломатия возвращения на родину, как правило, используется во внешней политике тех государств, которые столкнулись с ситуацией, когда эмигранты возвращаются на родину, а иммигранты уезжают в страны своего происхождения.

В-третьих, применение диаспоральной дипломатии в качестве дипломатической стратегии возможно и действительно, но в ней отчетливо виден легкий оттенок *шантажа*. К этой стратегии обращаются только в случае, если все дипломатические каналы оказались безрезультатными. По этой причине диаспоральная дипломатия как дипломатическая стратегия отодвинулась на задний план. Дипломатия, которая обладает широким инструментарием для решения конфликтов, превосходящим диаспоральную дипломатию, предполагает в моменты политического кризиса между странами использование механизмов, способных спровоцировать применение сил диаспоры.

В рамках публичной дипломатии значение диаспоральной дипломатии кардинально меняется. Она становится полезным инструментом воздействия, в основе которого лежит стратегия мягкой силы.

Остается много неизученного в данном вопросе. Взаимодействие дипломатов, членов диаспоры, политических лидеров требуют дальнейшего исследования, достоверность которого будет подкрепляться наличием примеров. Тем самым государства, испытывающие нехватку научных знаний об этих явлениях, смогут убедиться в том, что интересы и цели некоторых стран постоянно меняются.

И наконец, в рамках консульской дипломатии диаспоральная дипломатия подразумевает переговоры. За последние годы во всем мире увеличилось количество консульств, что явилось следствием возросшей миграции населения. Открытие таких представительств уже не считается дополнительным преимуществом, достигнутым в процессе переговоров между странами. Сейчас, в условиях миграционного кризиса, консульства наделены стратегической ценностью. В связи с ростом миграции и большей приближенностью консулов к гражданам диаспоры государство стало придавать им большее значение и признавать их важность.

Список литературы / References

1. Colussi M. *Migraciones: Un Problema para el siglo XXI?*, 2005, available at: http://www.iidh.ed.cr/comunidades/diversidades/docs/div_enlineamigrantes/colussi.htm (access date: 13.03.2016).
2. *Migración internacional en su máximo histórico*, Banco Mundial, 2015, available at: <http://www.bancomundial.org/es/news/press-release/2015/12/18/international-migrants-and-remittances-continue-to-grow-as-people-search-for-better-opportunities-new-report-finds> (access date: 13.03.2016).
3. Lyons T. Diaspora Lobbying and Ethiopian Politics, *Diaspora Lobbies and the US Government: Convergence and Divergence in Making Foreign Policy*, ed. Dewing J., Segura R., 2014, p. 163.
4. Gonzalez III J. *Diaspora Diplomacy: Philippine Migration and its Soft Power Influences*, USA: Mill City Press, 2012.
5. Rana K. S. *21st Century Diplomacy: A practitioners' s. Continuum*, USA, 2011.
6. Markey J. F. A Redefinition of social phenomena: giving a basis for comparative sociology, *American Journal of Sociology*, 1926, vol. 31, No. 6, pp. 733–743.
7. Irazuzta I. *La identidad como identificación de idénticos. El gobierno hacia poblaciones emigradas*, 2010, available at: http://www.ces.uc.pt/e-cadernos/media/ecadernos7/02%20-%20Irazuzta%2023_06.pdf (access date: 13.03.2016).
8. Adamson F. B., Demetriou M. Remapping the Boundaries of "State" and "National Identity": Incorporating Diasporas into IR Theorizing, *European Journal of International Relations*, 2007, vol. 13, No. 4, pp. 489–526.
9. Irazuzta I., Yrizar G. Gobernar la migración: consideraciones en torno al Instituto de los Mexicanos en el Exterior, *Legislando la agenda social*, 2006.
10. Irazuzta I. Gobiernos de enlace: la población y la política más allá del Estado, *Iconos*, 2009, No. 35, pp. 129–140.
11. Ragazzi F. Governing Diasporas, *International Political Sociology*, 2009, No. 3, p. 383.
12. Varadarajan L. *The domestic abroad: Diasporas in international relations*, Oxford University Press, 2010.
13. Tölölyan K. The contemporary discourse of diaspora studies, *Comparative Studies of South Asia, Africa and the Middle East*, 2007, vol. 27, No. 3, pp. 647–655.
14. Tigau C. Las élites en la diáspora como embajadoras culturales, *Revista mexicana de ciencias políticas y sociales*, 2014, vol. 59, No. 222, pp. 423–428.
15. Cruset M. Para-diplomacia y diáspora: el tema de las asociaciones, liderazgo y toma de decisiones. Irlandeses y vascos en Argentina, *IV Congreso de Relaciones Internacionales organizado por el Instituto de Relaciones Internacionales de la Universidad Nacional de La Plata*, Argentina, 2008.
16. Aguirre Ochoa J. Similitudes y diferencias de los procesos de integración a EUA de la Migración Mexicana y China en Estados Unidos en el siglo XX, *Noroeste Asiático: Diplomacia y Comercio con América*, ed. Celaya R., Mexico: Instituto Tecnológico de Sonora, 2014, pp. 90–99.
17. Motel S., Patten E. *Statistical Portrait of Hispanics in the United States, 2012*, 2014, available at: <http://www.pewhispanic.org/2014/04/29/statistical-portrait-of-hispanics-in-the-united-states-2012/> (access date: 13.03.2016).
18. Jovenir C. *Diaspora Diplomacy: Functions, Duties, and Challenges of an Ambassador*, 2013, available at: http://www.academia.edu/13397113/Diaspora_Diplomacy (access date: 13.03.2016).
19. Bulwaka M. *Diaspora Diplomacy: A Case Study of Uganda*, 2009, available at: [http://www.diplomacy.edu/sites/default/files/23082010102413%20Bulwaka%20\(Library\).pdf](http://www.diplomacy.edu/sites/default/files/23082010102413%20Bulwaka%20(Library).pdf) (access date: 13.03.2016).
20. Dellapergola S. *Jewish World Population*, 2013, available at: <http://www.jewishdatabank.org/studies/downloadFile.cfm?FileID=3113> (access date: 13.03.2016).
21. Fleischer F. La diáspora china: un acercamiento a la migración china en Colombia, *Revista de Estudios Sociales*, 2012, No. 42, pp. 71–79.
22. Giné Daví J. *Las dos diásporas más influyentes del mundo*, available at: <http://www.esade.edu/web/esp/about-esade/today/esade-opinion/vieuelement/314442/1/las-dos-diasporas-mas-influyentes-del-mundo> (access date: 13.03.2016).
23. Torrealba A. A. *Anti-Diplomacia: Modelos, Formas, Métodos, Ejemplos y Riesgos*, Letras de Autor, Spain, 2015.
24. Martins J. *O brasil e a unasul: um processo de construção de liderança e integração regional*, Brazil: Universidade federal do paraná, 2011, p. 14.
25. Smart B. Sociology, globalisation and postmodernity: Comments on the Sociology for one world thesis, *International Sociology*, 1994, vol. 9, No. 2, pp. 149–159.
26. Schiavon J. A. Cárdenas Alaminos N. La protección consular de la diáspora mexicana, *Revista mexicana de política exterior*, 2014, No. 101, pp. 43–68.
27. Hamm P. H. Mexican-American Interests in US-Mexico Relations: The Case of NAFTA, *Center for Research on Latinos in a Global Society*, 1996.
28. Escobar A., Janssen E. Migration, The Diaspora and Development. The case of Mexico, *International Institute of Labour Studies*, Discussion Paper, 2006, vol. 167.

29. Kunz R. *Mobilising diasporas: A governmentality analysis of the case of Mexico. Working Paper*, Series "Glocal Governance and Democracy", 2008.
30. Torrealba A. A. *Medios de Comunicación e Información y Redes Sociales en la Política Exterior de Bolivia, Ecuador y Venezuela (2006–2012)*, 2015, available at: http://www.academia.edu/10239163/MEDIOS_DE_COMUNICACION%20E%20INFORMACION%20EN%20BOLIVIA%20ECUADOR%20Y%20VENEZUELA (access date: 13.03.2016).
31. *Detuvieron a venezolana por cometer fraude migratorio en EEUU*, El Nacional, 2015, available at: http://www.el-nacional.com/mundo/Detuvieron-venezolana-migratorio-EE-UU_0_733726638.html (access date: 13.03.2016).
32. The Facts on Immigration Today, *Cap Immigration Team*, 2014, available at: <http://www.americanprogress.org/issues/immigration/report/2014/10/23/59040/the-facts-on-immigration-today-3/> (access date: 13.03.2016).
33. Sherman A. *Donald Trump wrongly says the number of illegal immigrants is 30 million or higher*, 2015, available at: <http://www.politifact.com/florida/statements/2015/jul/28/donald-trump/donald-trump-says-number-illegal-immigrants-30-mil/> (access date: 13.03.2016).
34. *Illegal Immigration*, Center for immigration studies, 2016, available at: <http://cis.org/Illegal> (access date: 13.03.2016).
35. "Un sirio sí, un sirio no": el polémico principio de acuerdo sobre los migrantes entre la Unión Europea y Turquía, *BBC Mundo*, 2016, available at: http://www.bbc.com/mundo/noticias/2016/03/160307_ue_turquia_crisis_migratoria_siria_acuerdo_dgm (access date: 13.03.2016).
36. Eppelin P. *Cuba: Por qué regresar al nido*, 2015, available at: <http://eltoque.com/blog/cuba-por-que-regresar-al-nido-0> (access date: 13.03.2016).
37. Morales Lama M. *La efectiva "diplomacia pública"*, 2016, available at: <http://www.listindiario.com/puntos-de-vista/2016/02/26/409426/la-efectiva-diplomacia-publica> (access date: 13.03.2016).
38. *Where does the diaspora fit in with Public Diplomacy?*, London Metropolitan University, 2011, available at: <http://publicandculturaldiplomacy.blogspot.ru/search?q=Where+does+the+diaspora+fit+in+with+Public+Diplomacy> (access date: 13.03.2016).
39. Kishan R. *Diaspora Diplomacy and Public Diplomacy, Relational, networked and collaborative approaches to public diplomacy: The connective mindshift*, ed. Zaharna R. S. at al., Routledge, 2014, pp. 70–85.
40. Gonzalez J. *Diaspora Diplomacy: Influences From Philippine Migrants*, 2014, available at: <http://publicdiplomacymagazine.com/diaspora-diplomacy-influences-from-philippine-migrants/> (access date: 13.03.2016).
41. Nye Jr. J. S. Public diplomacy and soft power, *The annals of the American academy of political and social science*, 2008, vol. 616, No. 1, pp. 94–109.
42. Sofer S. *Israel in the World Order: Social and International Perspectives, Peacemaking in a divided Society: Israel After Rabin*, London, 2001.
43. Reinharz S. The "Jewish Peoplehood" Concept: Complications and Suggestions, *Reconsidering Israel-diaspora relations*, ed. Ben-Rafael E. at al., Brill, 2014, pp. 66–87.
44. Eldar A. *Should Israel protect Jewish Diaspora or its own citizens?*, 2015, available at: <http://www.al-monitor.com/pulse/originals/2015/01/argentina-alberto-nisman-hezbollah-syria-convoy-elimination.html#ixzz42ugoIZgw> (access date: 13.03.2016).
45. *National Security Strategy*, US Government, 2010, available at: http://www.whitehouse.gov/sites/default/files/rss_viewer/national_security_strategy.pdf (access date: 13.03.2016).
46. Clinton H. *Hillary Clinton's Remarks at the Second Annual Global Diaspora Forum*, 2012, available at: <http://www.diasporaalliance.org/hillary-clintons-remarks-at-the-second-annual-global-diaspora-forum/> (access date: 13.03.2016).
47. Trent D. *American Diaspora Diplomacy U.S. Foreign Policy and Lebanese Americans*, 2012, available at: http://www.clingendael.nl/sites/default/files/20121206_discussionpaperindiplomacy_125_trent_beveilgd.pdf (access date: 13.03.2016).
48. Tomiczek M. *Diaspora diplomacy – about a new dimension of diplomacy, the example of a New Emigration non-governmental organisation*, *The Journal of Education, Culture, and Society*, 2011, No. 2, pp. 105–123.
49. *Consular and Diaspora Diplomacy, Diplo*, 2015, available at: <http://www.diplomacy.edu/courses/consular> (access date: 13.03.2016).
50. Mark S. A *Greater Role for Cultural Diplomacy*, 2009, available at: http://www.clingendael.nl/sites/default/files/20090616_cdsp_discussion_paper_114_mark.pdf (access date: 13.03.2016).
51. Leonard M., Stead C., Conrad S. *Public Diplomacy*, UK: Foreign Policy Center, 2002.
52. Castro F. *Cuba*, 2014.
53. Kalinina N. *Modern diaspora policy of Russia in CIS countries*, 2016, available at: <http://ido-rags.ru/?p=6373> (access date 13.03.2016).
54. Moseikina M. N. *Diaspora diplomacy of Russia in Latin America countries: historical experience and prospects*, *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov, Ser. Mezhdunarodnye otnosheniya*, 2015, vol. 15, No. 4, pp. 66–75.

Дата поступления / Received 27.03.2017

Дата принятия в печать / Accepted 17.05.2017

Дата онлайн-размещения / Available online 25.06.2017

© Торреальба А. А., 2017

© Torrealba A. A., 2017

Информация об авторе

Торреальба Альфредо Альфонсо, политолог, магистр международных отношений, Санкт-Петербургский государственный университет; ведущий, Межгосударственная радиоккомпания «Ла Радио дель Сур»

Адрес: 108811, Москва, 22-й км Киевского шоссе, д. 4, корп. В, офис 309а, БП «Румянцево», тел.: +7 (495) 926-31-31

E-mail: segulac@gmail.com

ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-1904-2051>

Researcher ID: <http://www.researcherid.com/rid/I-7804-2017>

Information about the author

Alfredo A. Torrealba, Magister Scientiarum Foreign Affairs, Saint Petersburg University; radio presenter, Interstate radio company La Radio del Sur

Address: 108811, Moscow, 22nd km of Kievskiy highway, building 4 B, office 309a, Business park "Rumyantsevo", tel.: +7 (495) 926-31-31

E-mail: segulac@gmail.com

ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-1904-2051>

Researcher ID: <http://www.researcherid.com/rid/I-7804-2017>

ПОЗНАНИЕ

Клёмин, А. В.

Право ВТО, ЕС, ЕАЭС. Понятие, источники, правоспособность : учеб. пособие /

А. В. Клёмин. – 2-е изд., перераб. и доп. – Казань : Казанский инновационный университет им. В. Г. Тимирязева, 2016. – 415 с.

Пособие подготовлено в рамках реализации распоряжения Кабинета Министров РТ № 2473-р «О Плана мероприятий по адаптации отраслей экономики и социальной сферы Республики Татарстан к условиям хозяйствования в рамках Всемирной торговой организации и Таможенного союза на 2013 год» от 31.12.2012 по инициативе Правительства Республики Татарстан. Книга охватывает три международных экономических организации: ВТО, ЕС, ЕАЭС. Именно на них в наибольшей мере сфокусированы внешнеэкономические интересы России. Похожие цели, задачи, общие принципы организации экономического пространства – все это позволяет объединить их изучение в едином учебном курсе. В нем освещаются ключевые вопросы их международной правоспособности. Материал включает в себя историю, структуру, основные понятия, источники и содержание права международных организаций. В сжатом и упрощенном виде изложен как теоретический, так и практический материал о сути и функционировании указанных союзов.

Предназначено для студентов, обучающихся по направлению подготовки 40.04.01 «Юриспруденция» (квалификация (степень) – магистр). Оно окажет немалую помощь в уяснении не всегда простых вопросов устройства и международной правоспособности ВТО, ЕС, ЕАЭС, а также в подготовке к сдаче экзамена.